

Л 45

В. И. ЛЕНИН

*Коммунистический
интернационал*

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП (б) • 1936

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

часть I

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

П А Р Т И З Д А Т Ц К В К П (б) • 1 9 3 6

с Socialist Labour Party; тоже с «International Socialist Review»; тоже с «Appeal to Reason». Если получите эту открытку и ответите, может быть мы еще споемся о том, что именно удобно поручить ему там.

Одна личная просьба: нет ли у Вас издательских связей? У меня нет. Для заработка хотелось бы иметь либо *перевод*, либо *педагогическо-литературную* работу Наде (ибо ее болезнь требует *длительной* жизни в горах, а это стоит дорого).

Крепко жму руку и желаю всего лучшего. Нада шлет привет.

Ваш В. Ульянов.

Г. XXIX, стр. 370—371.

О БРОШЮРЕ ЮНИУСА

Наковец-то в Германии вышла нелегально, без приспособления к подлой юнкерской цензуре, социал-демократическая брошюра, посвященная вопросам войны! Автор, принадлежащий, очевидно, к «леворадикальному» крылу партии, подписался Юниус (что значит по-латыни: младший) и назвал свою брошюру: «Кризис социал-демократии». В приложении напечатаны те тезисы о задачах международной социал-демократии, которые были уже внесены в Берскую И. С. К. (Интернациональную Социалистическую Комиссию) и напечатаны в номере 3-ем ее бюллетеня; они принадлежат группе «Интернационала», издавшей весной 1915 г. один номер журнала под этим заглавием (со статьями Цеткиной, Меринга, Р. Люксембург, Талгеймера, Душера, Штребеля и др.) и устроившей зимой 1915—16 г.г. совещание социал-демократов из всех частей Германии, принявшее эти тезисы.

Брошюра написана в апреле 1915 г., как говорит автор в введении, помеченном 2 января 1916 г., и печаталась «без всяких изменений». Издать ее раньше помешали «внешние обстоятельства». Посвящена она не столько «кризису социал-демократии», сколько анализу войны, опровержению легенды о ее освободительном, национальном характере, доказательству того, что это—империалистская и со стороны Германии и со стороны других великих держав война, затем рево-

люционной критике поведения официальной партии. Написанная чрезвычайно живо, брошюра Юниуса, несомненно, сыграла и сыграет крупную роль в борьбе против перешедшей на сторону буржуазии и юнкеров бывшей социал-демократической партии Германии, и мы от всей души приветствуем автора.

Русскому читателю, который знаком с социал-демократической литературой, напечатанной по-русски за границей в 1914—16 г.г., брошюра Юниуса не дает принципиально ничего нового. Когда читаешь эту брошюру, сопоставляя с аргументами немецкого революционного марксиста, то, что было изложено, например, в манифесте Центрального Комитета нашей партии (сентябрь—ноябрь 1914)¹, в бернских резолюциях (март 1915 г.)² и в многочисленных комментариях к ним, приходится убедиться только в большой неполноте аргументов Юниуса и в двух ошибках его. Посвящая дальнейшее критике недостатков и ошибок Юниуса, мы должны усиленно подчеркнуть, что делаем это ради необходимой для марксистов самокритики и всесторонней проверки взглядов, которые должны послужить идейной базой III Интернационала. Брошюра Юниуса в общем и целом—прекрасная марксистская работа, и вполне возможно, что ее недостатки носят до известной степени случайный характер.

Главным недостатком брошюры Юниуса и прямым шагом назад по сравнению с легальным (хотя и запрещенным тотчас после выхода) журналом «Интернационал» является умолчание о связи социал-шовинизма (автор не употребляет ни этого термина, ни менее точного выражения социал-патриотизм) с оппортунизмом. Автор вполне правильно говорит о «капитуляции» и крахе германской социал-демократической партии, об «измене» «официальных вождей» ее, но далее не идет. А между тем уже журнал «Интернационал» дал критику «центра», т. е. каутскианства, вполне справедливо осыпав насмешками его бесхарактерность, простигнув им марксизма, лакейство перед оппортунистами. И тот же журнал начал разоблачение действительной роли оппортунистов, опубликовав, напр., важнейший факт, что 4-го августа 1914 г. оппортунисты явились с ультиматумом, с готовым решением

¹ См. XVIII т. Сочинений, стр. 44—47 и 57—67. *Ред.*

² См. там же, стр. 124—128. *Ред.*

голосовать во *всяком* случае за кредиты. Ни в брошюре Юниуса, ни в тезисах *не* говорится ни об оппортунизме ни о каутскианстве! Это теоретически неверно, ибо нельзя *объяснить* «изменье», не поставив ее в связь с оппортунизмом, как *направлением*, имеющим за собой длинную историю, историю всего II Интернационала. Это практически политически ошибочно, ибо нельзя ни понять «кризиса социал-демократии», ни преодолеть его, не выяснив значения и роли *двух направлений*: открыто оппортунистического (Легин, Давид и т. д.) и прикрито оппортунистического (Каутский и К^о). Это шаг назад по сравнению, напр., с исторической статьей Отто Рюле в «Vorwärts» от 12 января 1916 г., где он прямо, открыто доказывает *неизбежность* раскола социал-демократической партии Германии (редакция «Vorwärts'a» ответила ему повторением слащавых и лицемерных каутскианских фраз, не найдя ни единого аргумента по существу против того, что на-лицо уже две партии и что примирить их нельзя). Это—поразительно непоследовательно, ибо в 12-ом тезисе «Интернационала» говорится *прямо* о необходимости создать «новый» Интернационал ввиду «изменья» и «перехода на почву буржуазно-империалистской политики» «официальных представителей социалистических партий руководящих стран». Ясно, что говорить об участии в «новом» Интернационале старой социал-демократической партии Германии или партии, мирящейся с Легинем, Давидом и К^о, просто смешно.

Чем объясняется этот шаг назад группы «Интернационала», мы не знаем. Величайшим недостатком всего революционного марксизма в Германии является отсутствие сплоченной нелегальной организации, систематически ведущей свою линию и воспитывающей массы в духе новых задач: такая организация должна была бы занимать определенную позицию и по отношению к оппортунизму и по отношению к каутскианству. Это тем более необходимо, что у немецких революционных социал-демократов опять теперь две последних ежедневных газеты: бременская («Bremer Bürger-Zeitung») и брауншвейгская («Volksfreund»), которые обе перешли к каутскианцам. *Только* группа: «Интернациональные социалисты Германии» (I. S. D.) остается на своем посту—ясно и определенно для всех.

Некоторые члены группы «Интернационала», видимо, скатились опять в болото беспринципного каутскианства. Напр.,

Штребель дошел до того, что в «Neue Zeite» распаркивался перед Бернштейном и Каутским! А совсем недавно, 15 августа 1916 г. он поместил в газетах статью «Пацифизм и социал-демократия», с защитой пошлейшего каутскианского пацифизма. Что касается Юнуса, он восстает против каутскианского прожектерства в духе «разоружения», «уничтожения тайной дипломатии» и т. п. самым решительным образом. Возможно, что в группе «Интернационал» есть два течения: революционное и колеблющееся в сторону каутскианства.

Из ошибочных положений Юнуса первое закреплено в 5-ом тезисе группы «Интернационал»: «В эпоху (эру) этого разнузданного империализма не может более быть никаких национальных войн. Национальные интересы служат только орудием обмана, чтобы отдать трудящиеся народные массы на службу их смертельному врагу: империализму»... Начало 5-го тезиса, который оканчивается этим положением, посвящено характеристике *данной* войны, как империалистской. Возможно, что отрицание национальных войн вообще есть либо недосмотр либо случайное увлечение при подчеркивании совершенно правильной мысли, что *данная* война есть империалистская, а не национальная. Но так как возможно и обратное, так как ошибочное отрицание *всяких* национальных войн по случаю облыжного представления *данной* войны в виде национальной замечается у различных социал-демократов, то на этой ошибке нельзя не остановиться.

Юнус совершенно прав, когда подчеркивает решающее влияние «империалистской обстановки» в *данной* войне, когда он говорит, что за Сербией стоит Россия, «за сербским национализмом стоит русский империализм», что участие, напр., Голландии в войне было бы *тоже* империалистским, ибо она, во-1-х, защищала бы свои колонии, а во-2-х, была бы союзницей одной из *империалистских* коалиций. Это бесспорно—по отношению к *данной* войне. И когда Юнус подчеркивает при этом особенно то, что для него в первую голову важно: борьбу с «фантомом национальной войны», который в настоящее время господствует над социал-демократической политикой» (стр. 81), то нельзя не признать рассуждения его и правильными и вполне уместными.

Ошибкой было бы лишь преувеличение этой истины, отступление от марксистского требования быть конкретным, перенесение оценки *данной* войны на все возможные при

империализме войны, забвение национальных движений *против* империализма. Единственным доводом в защиту тезиса: «национальных войн больше быть не может» является тот, что мир поделен между горсткой «великих» империалистских держав, что поэтому всякая война, хотя бы она была вначале национальной, *превращается* в империалистскую, задвывая интересы одной из империалистских держав или коалиций (стр. 81 у Юнуса).

Неправильность этого довода очевидна. Разумеется, основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что *нет ни одного явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность*. Национальная война *может* превратиться в империалистскую и *обратно*. Пример: войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционными: защита великой революции против коалиции контр-революционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие *в свою очередь* национально-освободительные войны *против* империализма Наполеона.

Только софист мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна *может* превратиться в другую. Диалектика не раз служила — и в истории греческой философии — мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа *данного* в его обстановке и в его развитии.

Что данная империалистская война, 1914—16 г.г., превратится в национальную, это в высокой степени невероятно, ибо классом, представляющим развитие *вперед*, является пролетариат, который объективно стремится превратить ее в гражданскую войну против буржуазии, а затем еще потому, что силы обеих коалиций разнятся не очень значительно и международный финансовый капитал создал повсюду реакционную буржуазию. Но *невозможным* такое превращение объявить нельзя: *если бы* пролетариат Европы оказался лет

на 20 бессильным; *если бы* данная война *кончилась* победами вроде наполеоновских и порабощением ряда жизнеспособных национальных государств; *если бы* внеевропейский империализм (японский и американский в первую голову) тоже лет 20 продержался, не переходя в социализм, напр., в силу японо-американской войны, тогда возможна была бы великая национальная война в Европе. Это было бы развитием Европы *назад* на несколько десятилетий. Это невероятно. Но это не невозможно, ибо представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недialeктично, ненаучно, теоретически неверно.

Далее. Не только вероятно, но *неизбежно* в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полуколоний. В колониях и полуколониях (Китай, Турция, Персия) живет до 1000 миллионов человек, т.е. *больше* половины населения земли. Национально-освободительные движения здесь либо уже очень сильны, либо растут и созревают. Всякая война есть продолжение политики иными средствами. Продолжением национально-освободительной политики колоний *неизбежно* будут национальные войны с их стороны *против* империализма. Такие войны *могут* повести к империалистской войне теперешних «великих» империалистских держав, но могут и не повести, это зависит от многих обстоятельств.

Пример: Англия и Франция воевали в семилетнюю войну из-за колоний, т.е. вели империалистскую войну (которая возможна и на базе рабства, и на базе примитивного капитализма, как и на современной базе высоко развитого капитализма). Франция побеждена и терит часть своих колоний. Несколько лет спустя начинается национально-освободительная война Северо-Американских Штатов против одной Англии. Франция и Испания, которые сами продолжают владеть частями теперешних Соединенных Штатов, из вражды к Англии, т.е. из своих империалистских интересов, заключают дружественный договор с восставшими против Англии Штатами. Французские войска вместе с американскими бьют англичан. Перед нами национально-освободительная война, в которой империалистское соревнование является приходящим, не имеющим серьезного значения, элементом,— обратное тому, что мы видим в войне 1914—16 г.г. (национальный элемент в австро-сербской войне не имеет серьезного значе-

ния по сравнению с всеопределяющим империалистским соревнованием). Отсюда видно, как нелепо было бы применять понятие империализм шаблонным образом, выводя из него «невозможность» национальных войн. Национально-освободительная война, напр., союза Персии, Индии и Китая против тех или иных империалистских держав вполне возможна и вероятна, ибо она вытекает из национально-освободительного движения этих стран, при чем превращение такой войны в империалистскую войну между соперничающими империалистскими державами будет зависеть от очень многих конкретных обстоятельств, ручаться за наступление которых было бы смешно.

В-третьих, даже в Европе нельзя считать национальные войны в эпоху империализма невозможными. «Эпоха империализма» сделала теперешнюю войну империалистской, она порождает неизбежно (пока не наступит социализм) новые империалистские войны, она сделала насквозь империалистичной политику теперешних великих держав, во эта «эпоха» несколько не исключает национальных войн, напр., со стороны маленьких (допустим, аннексированных или национально-угнетенных) государств *против* империалистских держав, как не исключает она и национальных движений в большом масштабе на востоке Европы. Про Австрию, напр., Юниус судит очень здраво, учитывая не одно только «экономическое», а и своеобразно политическое, отмечая «внутреннюю нежизнеспособность Австрии», признавая, что «габсбургская монархия есть не политическая организация буржуазного государства, а лишь слабо связанный синдикат нескольких кланов общественных паразитов», и что «ликвидация Австро-Венгрии исторически есть лишь продолжение распада Турции и вместе с ним является требованием исторического процесса развития». С некоторыми балканскими государствами и с Россией дело обстоит не лучше. И при условии сильного истощения «великих» держав в данной войне или при условии победы революции в России вполне возможны национальные войны, даже победоносные. Вмешательство империалистских держав осуществимо на практике *не* при всех условиях, это с одной стороны. А с другой стороны, когда рассуждают «с-кандачки»: война маленького государства против гиганта безнадежна, то на это приходится заметить, что безнадежная война есть тоже война; а затем, известные явления внутри «гигантов»—

напр., начало революции—могут «безнадёжную» войну сделать очень «надежной».

Мы остановились подробно на неверности положения, будто «больше не может быть национальных войн», не только потому, что оно явно ошибочно теоретически. Было бы, конечно, глубоко печально, если бы «левые» стали проявлять беззаботность к теории марксизма в такое время, когда создание III Интернационала возможно только на базе не-вульгаризованного марксизма. Но и в практическо-политическом отношении эта ошибка очень вредна: из нее выводят нелепую пропаганду «разоружения», ибо будто бы никаких войн, кроме реакционных, быть не может; из нее выводят еще более нелепое и прямо реакционное равнодушие к национальным движениям. Такое равнодушие становится цинизмом, когда члены европейских «великих» наций, т. е. наций, угнетающих массу мелких и колониальных народов, заявляют с якобы-ученым видом: «национальных войн более быть не может!» Национальные войны *против* империалистских держав не только возможны и вероятны, они неизбежны и *прогрессивны, революционны, хотя*, конечно, для *успеха* их требуется либо соединение усилий громадного числа жителей угнетенных стран (сотни миллионов в взятом нами примере Индии и Китая), либо *особо* благоприятное сочетание условий интернационального положения (напр., параллельность вмешательства империалистских держав их обессилением, их войной, их антагонизмом и т. п.), либо *одновременное* восстание пролетариата одной из крупных держав против буржуазии (этот последний в нашем перечне случаев является первым с точки зрения желательного и выгодного для победы пролетариата).

Надо заметить однако, что было бы несправедливо обвинять Юнгуса в равнодушии к национальным движениям. Он отмечает, по крайней мере, в числе грехов социал-демократической фракции ее молчание по поводу казни за «измену» (очевидно, за попытку восстания по случаю войны) одного вождя туземцев в Камеруне, подчеркивая в другом месте (специально для гг. Легинов, Ленчей и т. п. негодяев, числящихся «социал-демократами»), что колониальные нации суть тоже нации. Он заявляет с полнейшей определенностью: «социализм признает за каждым народом право на независимость и свободу, на самостоятельное распоряжение своими

судьбами»; «международный социализм признает право свободных, независимых, равноправных наций, но только он может создать такие нации, только он может осуществить право наций на самоопределение. И этот лозунг социализма—справедливо замечает автор—служит, как и все остальные, не к оправданию существующего, а как указатель пути, как стимул к революционной, преобразующей, активной политике пролетариата» (стр. 77 и 78). Глубоко ошиблись бы, следовательно, те, кто подумал бы, что все левые немецкие социал-демократы впали в ту узость и карикатуру на марксизм, до которого дошли некоторые голландские и польские социал-демократы, отрицая самоопределение наций даже при социализме. Впрочем, о *специальных* голландско-польских источниках *этой* ошибки мы говорим в другом месте.

Другое ошибочное рассуждение Юниуса связано с вопросом о защите отечества. Это—кардинальный политический вопрос во время империалистской войны. И Юниус подкрепил нас в том убеждении, что наша партия дала единственно правильную постановку этого вопроса: пролетариат против защиты отечества в этой, империалистской войне *в виду* ее грабительского, рабовладельческого, реакционного характера, *в виду* возможности и необходимости противопоставить ей (и стремиться превратить ее в) гражданскую войну за социализм. Юниус же, с одной стороны, прекрасно вскрыл империалистский характер данной войны, а отличие от национальной, а с другой стороны впадал в чрезвычайно странную ошибку, пытаясь за волосы притянуть национальную программу к *данной*, *не* национальной, войне! Это звучит почти нездорово, но это факт.

Казенные социал-демократы, как легиновского, так и каутского оттенка, лакействуя перед буржуазией, которая всего более кричала об иностранном «нашествии», чтобы обмануть народные массы насчет империалистского характера войны, повторяли с особенным усердием этот довод о «нашествии». Каутский, уверяющий теперь наивных и доверчивых людей (между прочим, через российского окиста, Спектатора), что он с конца 1914-го года перешел к оппозиции, продолжает ссылаться на этот «довод»! Стараясь опровергнуть этот довод, Юниус приводит поучительнейшие исторические примеры, чтобы доказать, что «нашествие и классовая борьба в буржуазной истории являются не противоречием, как гласит

официальная легенда, а одно является средством и проявлением другого». Примеры: Бурбоны во Франции вызвали иностранное нашествие против якобинцев, буржуа в 1871 г. — против Коммуны. Маркс писал в «Гражданской войне во Франции»:

«Высший героический подъем, на который еще способно было старое общество, есть национальная война, и она оканчивается теперь чистейшим мошенничеством правительства; единственной целью этого мошенничества оказывается — отодвинуть на более позднее время классовую борьбу, и когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны, мошенничество разлетается в прах».

«Классическим примером всех времен является — пишет Юннус, ссылаясь на 1793-ий год, — Великая Французская Революция». Из всего этого делается вывод: «Вековой опыт доказывает, следовательно, что не осадное положение, а беззаветная классовая борьба, которая пробуждает самоуважение, героизм и нравственную силу народных масс, является лучшей защитой, лучшей обороной страны против внешнего врага».

Практический вывод Юннуса: «Да, социал-демократы обязаны защищать свою страну во время великого исторического кризиса. И как раз в том и состоит тяжкая вина социал-демократической фракции рейхстага, что она торжественно провозгласила в своей декларации 4 августа 1914 г.: «В час опасности мы не оставим без защиты нашей родины», а в то же самое время отреклась от своих слов. Она оставила родину без защиты в час величайшей опасности. Ибо первым долгом ее перед родиной в этот час было: показать родине истинную подкладку данной империалистской войны, разорвать сеть патриотической и дипломатической лжи, которой было опутано это посягательство на родину; громко и ясно заявить, что для немецкого народа в этой войне и победа и поражение одинаково губительны, сопротивляться до последней крайности удушению родины посредством осадного положения; провозгласить необходимость немедленного вооружения народа и предоставления народу решать вопрос о войне и мире; требовать со всей решительностью перманентного (бесперывного) заседания народного представительства на все время войны, чтобы обеспечить действительный контроль народного представительства за правительством и народа

за народным представительством; требовать немедленной отмены всех политических правоограничений, ибо только свободный народ может с успехом защищать свою страну; наконец, противопоставить империалистической программе войны,—программе, направленной к сохранению Австрии и Турции, т. е. к сохранению реакции в Европе и в Германии,—старую истинно-национальную программу патриотов и демократов 1848-го года, программу Маркса, Энгельса и Лассаля: лозунг единой великой немецкой республики. Таково было знамя, которое следовало бы развернуть перед страной, которое было бы истинно национальным, истинно освободительным, находилось бы в соответствии с лучшими традициями Германии и международной классовой политики пролетариата»... «Таким образом тяжелая дилемма между интересами родины и международной солидарностью пролетариата, трагический конфликт, который побудил наших парламентариев «с тяжким сердцем» встать на сторону империалистической войны, есть чистое воображение, буржуазно-националистическая фикция. Напротив, между интересами страны и классовыми интересами пролетарского Интернационала существует и во время войны и во время мира полная гармония: и война и мир требуют самого энергичного развития классовой борьбы, самого решительного отстаивания социал-демократической программы».

Так рассуждает Юнус. Ошибочность его рассуждений бьет в глаза, и если наши открытые и прикрытые лакеи царизма, господа Плеханов и Чхенкели, а может быть даже г. Мартов и Чхендзе, с злорадством ухватятся за слова Юнуса, помышляя не о теоретической истине, а о том, чтобы вывернуться, замести следы, набросать песку в глаза рабочим, то нам надо остановиться подробнее на выяснении теоретических источников ошибки Юнуса.

Империалистской войне он предлагает «противопоставить» национальную программу. Передовому классу он предлагает повернуться лицом к прошлому, а не к будущему! В 1793 и 1848 г.г. и во Франции и в Германии и во всей Европе объективно стояла на очереди буржуазно-демократическая революция. Этому объективному историческому положению вещей соответствовала «истинно-национальная», т. е. национально-буржуазная программа тогдашней демократии, которую в 1793 г. осуществили наиболее революционные элементы

буржуазии и плебейства, а в 1848 г. провозглашал от имени всей передовой демократии Маркс. Феодално-династическим войнам противопоставлялись тогда, *объективно*, революционно-демократические войны, национально-освободительные войны. Таково было содержание исторических задач эпохи.

Теперь для передовых, крупнейших государств Европы *объективное* положение иное. Развитие вперед—если не иметь в виду возможных, временных, шагов назад—осуществимо лишь к *социалистическому* обществу, к *социалистической революции*. Империалистски-буржуазной войне, войне высоко развитого капитализма *объективно* может противостоять, с точки зрения развития вперед, с точки зрения передового класса, только война *против* буржуазии, т. е. прежде всего гражданская война пролетариата с буржуазией за власть, война, *без* которой серьезного движения вперед быть *не может*, а затем—лишь при известных, особых условиях, возможная война в защиту социалистического государства против буржуазных государств. Поэтому те большевики (к счастью, совсем единичные и немедленно сланные нами призывцам), которые готовы были стать на точку зрения условной обороны, обороны отечества под условием победоносной революции и победы республики в России, оставались верны *букве* большевизма, но изменяли *духу* его; ибо втянутая в империалистскую войну передовых европейских держав Россия и в республиканской форме вела бы *тоже* империалистскую войну!

Говоря, что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия, Юнус применил марксову диалектику лишь на половину, сделал один шаг по верному пути и сейчас же уклонившись с него. Марксова диалектика требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации. Что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия,—это верно *и* по отношению к буржуазии, свергающей феодализм, *и* по отношению к пролетариату, свергающему буржуазии. Именно потому, что это верно по отношению *ко всякому* классовому угнетению, это *слишком* *обще* и потому *недостаточно* по отношению к данному *особому* случаю. Гражданская война против буржуазии есть *тоже* один из видов классовой борьбы, и только данный вид классовой борьбы избавит бы Европу (всю, а не одну страну) от опасности нашествий. «Велико-германская республика», если бы она

существовала в 1914—16 г.г., вела бы такую же империалистическую войну.

Юниус вплотную подошел к правильному ответу на вопрос и к правильному лозунгу: гражданская война против буржуазии за социализм и, точно побоявшись сказать всю правду до конца, повернул назад, к фантазии «национальной войны» в 1914, 15, 16 годах. Если взглянуть на вопрос не с теоретической, а с чисто практической стороны, то ошибка Юниуса станет не менее ясна. Все буржуазное общество, все классы Германии вплоть до крестьянства стояли за войну (в России, по всей вероятности, тоже—по крайней мере большинство зажиточного и среднего крестьянства с очень значительной долей бедноты находилось, видимо, под обаянием буржуазного империализма). Буржуазия была вооружена до зубов. При таком положении «провозгласить» программу республики, перманентного парламента, выбора офицеров народом («вооружение народа») и пр. значило бы на практике—«провозгласить» революцию (с неверной революционной программой!).

Юниус говорит здесь же, вполне правильно, что революции «сделать» нельзя. Революция стояла на очереди в 1914—16 г.г., такая в недрах войны, *вырастая* из войны. Надо было «провозгласить» это от имени революционного класса, указать до конца, безобязательно, его программу: социализм, невозможный в эпоху войны без гражданской войны против архиреакционной, преступной, осуждающей народ на несказанные бедствия, буржуазии. Надо было обдумать систематические, последовательные, практические, безусловно осуществимые при всяком темпе развития революционного кризиса действия, лежащие по линии назревающей революции. Эти действия указаны в резолюции нашей партии: 1) голосование против кредитов; 2) разрыв «гражданского мира»; 3) создание нелегальной организации; 4) братание солдат; 5) поддержка всех революционных выступлений масс¹. Успех всех этих шагов неминуемо ведет к гражданской войне.

Провозглашение великой исторической программы имело, несомненно, гигантское значение; только не старой и устаревшей для 1914—16 г.г. национально-германской программы, а пролетарски-интернациональной и социалистической. Вы,

¹ См. XVIII т. Сочинений, стр. 126. *Ред.*

буржуа, воюете для грабежа; мы, рабочие всех воюющих стран, объявляем войну вам, войну за социализм,— вот содержательные речи, с которой должны были выступить 4 августа 1914 г. в парламентах социалисты, не изменившие пролетариату, как Ленины, Давиды, Каутские, Плехановы, Гэды, Самба и т. д.

Повидимому, двойного рода ошибочные соображения могли вызвать ошибку Юниуса. Несомненно, Юниус решительно против империалистской войны и решительно за революционную тактику: этого факта не устранят никакие злорадства гг. Плехановых по поводу «оборончества» Юниуса. На возможные и вероятные клеветы этого рода необходимо ответить сразу и прямо.

Но Юниус, во-первых, не освободился вполне от «среды» немецких, даже левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся договаривать до конца революционные лозунги¹. Это—ошибочная боязнь, и левые социал-демократы Германии должны будут избавиться и *избавятся* от нее. Ход их борьбы с социал-шовинистами *приведет* к этому. А они борются с *своими* социал-шовинистами решительно, твердо, *искренне*, в этом их громадное, принципиальное, коренное отличие от гг. Мартовых и Чхендзе, которые одной рукой (à la Скобелев) развертывают знамя с приветом «Либкнехтам всех стран», а другой рукой нежно обнимают Чхешели и Потресова!

Во-2-х, Юниус хотел, повидимому, осуществить нечто вроде меньшевистской, печальной памяти, «теории стадий», хотел *начать* проводить революционную программу с ее «наиболее удобного», «популярного», приемлемого для *мелкой буржуазии* конца. Нетто вроде плана «перехитрить историю», перехитрить филистеров. Дескать, против *лучшей* обороны истин-

¹ Та же ошибка в рассуждениях Юниуса на тему: что лучше, победа или поражение? Его вывод: оба одинаково плохо (разорение, рост вооружений и т. д.). Это не точка зрения революционного пролетариата, а пацифистского мелкого буржуа. Если говорить о «революционном вмешательстве» пролетариата—а об этом, хотя, к сожалению, слишком общо, говорят и Юниус и тезисы группы «Интернационала»—то *обязательно* было поставить вопрос с иной точки зрения: 1) возможно ли «революционное вмешательство» без риска поражения? 2) возможно ли бичевать буржуазию и правительство своей страны без того же риска? 3) не говорили ли мы всегда и не говорит ли исторический опыт реакционных войн, что поражения облегчают дело революционного класса?

ного отечества никто не может быть: а истинное отечество есть великогерманская республика, лучшая оборона есть милиция, перманентный парламент и пр. Будучи раз принята, такая программа сама собой повела бы, дескать, к следующей стадии: социалистической революции.

Вероятно, подобные рассуждения сознательно или полусознательно определили тактику Юниуса. Нечего и говорить, что они ошибочны. В брошюре Юниуса чувствуется *одиночка*, у которого нет товарищей по нелегальной организации, привывшей додумывать до конца революционные лозунги и систематически воспитывать массу в их духе. Но такой недостаток—было бы глубоко неправильно забывать это—не есть личный недостаток Юниуса, а результат слабости *всех* немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантства, «дружелюбия» к оппортунистам. Сторонники Юниуса сумели, *несмотря* на свое одиночество, *приступить* к изданию нелегальных листов и к войне с каутскианством. Они сумеют пойти и дальше вперед по верному пути.

Написано в его устах Д. С. г.

Г. Л. К., стр. 176—180.

ПРИВЕТСТВИЕ СЪЕЗДУ ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Дорогие товарищи!

От имени Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. я приветствую съезд итальянской социалистической партии и желаю ему успеха в его работах.

Итальянской социалистической партии *первой* из социалистических партий воюющих стран удалось сделать то, что могли и должны были бы сделать все социалистические партии этих государств, если бы они не изменили социализму и не перешли на сторону буржуазии, именно: собрать свой съезд, совещание или конференцию вне пределов досягаемости «отечественной» военной цензуры, военного начальства, в свободной стране, где можно свободно обсудить и высказать социалистическое отношение к войне. Позвольте мне выразить надежду, что свободному—от патристических намордани-

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1914 год

Тезисы о войне (первоначальный текст)	5
Задачи революционной социал-демократии в Европейской войне. (Резолюция группы социал-демократов)	8
Европейская война и международный социализм	11
Письмо А. Г. Шляпникову 17/X	14
Письмо А. Г. Шляпникову 27/X	15
Письмо А. Г. Шляпникову 31/X	18
Война и российская социал-демократия	20
Положение и задачи социалистического Интернационала	27
Письмо А. Г. Шляпникову 14/XI	32
Мертвый шовинизм и живой социализм	35
Письмо А. Г. Шляпникову — конец декабря	41
Письмо А. М. Коллонтай — конец декабря	42
Письмо А. М. Коллонтай — конец декабря	43

1915 год

Что же дальше?	45
Декларация Центрального комитета РСДРП, оглашенная на Лондонской конференции	52
Из решений конференции зарубежных секций РСДРП	54
Письмо А. Г. Шляпникову 11/II	55
Первое мая и война	57
О борьбе с социал-шовинизмом	62
Письмо Карлу Радеку — конец июня	66

	<i>Стр.</i>
Из брошюры «Социализм и война»	69
Крах II Интернационала	90
Письмо Карлу Радеку — конец июля	140
Письмо А. М. Коллонтай	141
Письмо А. М. Коллонтай	142
Письмо А. М. Коллонтай — август	143
Письмо А. М. Коллонтай — конец августа	144
Письмо В. М. Каспарову — конец августа	145
Письмо Карлу Радеку — конец августа	146
Письмо Е. И. Риванной — начало сентября	147
Проект резолюции Циммервальдской левой	147
Три заметки по поводу проекта манифеста Циммервальдской конференции	150
Проект предложения на первой Циммервальдской конференции об отклонении военных кредитов	151
Добавления к заявлению Циммервальдской левой	151
План статьи о Циммервальдской конференции	151
Письмо А. М. Коллонтай — между 8 и 13/IX	152
Письмо Карлу Радеку 19/IX	153
Письмо Карлу Радеку 20/IX	154
Письмо Г. Л. Шкловскому — конец сентября — начало октября	155
Письмо Карлу Радеку — конец сентября	156
Первый шаг	156
Революционные марксисты на международной социалистической конференции 5—8 сентября 1915 г.	161
Письмо А. М. Коллонтай 9/XI	165
Письмо А. М. Коллонтай 22/XI	167
Письмо В. А. Карпинскому и С. Н. Равич — конец ноября — на- чало декабря	167
Истинные интернационалисты: Каутский, Аксельрод, Мартов	168
Письмо Лиге социалистической пропаганды в Америке	173
Оппортунизм и крах II Интернационала	176
1916 год	
Оппортунизм и крах II Интернационала	189
Речь на интернациональном митинге в Берне 8 февраля 1916 г.	201
О задачах оппозиции во Франции	204
Раскол или тупик?	207
Письмо Генриетте Ролланд-Гольст — начало года	209
Письмо А. М. Коллонтай 19/III	210

	<i>Стр.</i>
Письмо А. М. Коллонтай — март	211
Предложение Центрального комитета РСДРП второй социалистической конференции, созываемой I. С. К. (Бернской)	218
Предложение Центрального комитета РСДРП 2-й социалистической конференции	222
Письмо А. М. Коллонтай — весна	230
Письмо А. Г. Шляпникову — май	230
Письмо А. Г. Шляпникову — июль	232
Письмо А. М. Коллонтай — июнь	235
Письмо А. М. Коллонтай 25/VII	236
О брошюре Юнуса	237
Приветствие съезду итальянской социалистической партии	251
Письмо Францу Коричову 25/X	255
Речь на съезде Швейцарской социал-демократической партии 4 ноября 1916 г.	258
Целый десяток «социалистических» министров	260
Интернационал молодежи	263
Империализм и раскол социализма	266
О лозунге «разоружения»	281
Письмо Артуру Шмидту 1/XII	291
Тезисы об отношении Швейцарской социал-демократической партии к вопросу о войне	293
Задачи левых шиммервальдистов в Швейцарской с.-д. партии	295
Открытое письмо Борису Суварину — вторая половина декабря	306

1917 год

Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический	317
Черновой проект тезисов обращения к Интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям	335
Открытое письмо к Шарлю Нэнгу, члену международной социалистической комиссии в Берне — январь	346
Письмо А. М. Коллонтай 17/II	354
Письмо А. М. Коллонтай 5/III	356
Прощальное письмо к швейцарским рабочим	359
Из тезисов «Задачи пролетариата в нашей революции»	366
Из статьи «Политические партии в России и задачи пролетариата»	379
Всероссийская апрельская конференция РСДРП	380
Социал-шовинисты и интернационалисты	384

	<i>Стр.</i>
О созыве международной якобы социалистической конференции с участием социал-шовинистов	385
Письмо К. Радеку 29/V	386
Из послесловия к брошюре: «Задачи пролетариата в нашей революции»	387
Письмо К. Радеку 17/VI	388
Внешняя политика русской революции	389
О выступлении Камелева в ЦИК по поводу Стокгольмской конференции	391
О Стокгольмской конференции	393
По вопросу о Циммервальде	401
Из статьи «К пересмотру партийной программы»	402
Задачи нашей партии в Интернационале	405
Из доклада о мире на втором Всероссийском съезде Советов Р. и С. Д. 8 ноября (26 октября) 1917 г.	407
Письмо финским товарищам 11/XI	409
За хлеб и мир	409

1918 год

Из доклада на московской губернской конференции заводских комитетов 23 июля 1918 г.	411
Письмо К. Цеткин 26/VII	414
Речь на митинге красноармейцев на Ходынке 2 августа 1918 г.	415
Речь на митинге в Сокольническом районе 9 августа 1918 г.	415
Письмо к американским рабочим	416
Речь на митинге в Политехническом музее 23 августа 1918 г.	429
Письмо Я. А. Берzinу 20/IX	434
Письмо Я. М. Свердлову и Л. Д. Троцкому 1/X	436
Письмо объединенному заседанию ВЦИК, Московского Совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 5 октября 1918 г.	437
Пролетарская революция и редегат Каутский	440
Письмо членам группы Спартак 18/X	448
Резолюция, принятая на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г.	449
Письмо А. А. Иоффе 23/X	451
Речь на демонстрации в честь австро-венгерской революции 3 ноября 1918 г.	451

Стр.

Речь при открытии памятника Марксу и Энгельсу 7 ноября 1918 г.	452
Всем советам — телефонограмма	453
Письмо В. В. Воровскому 10/XI	454
Телеграмма В. В. Воровскому 10/XI	454
Пролетарская революция и ренегат Каутский	455
<i>Приложение I. Тезисы об учредительном собрании</i> . . .	539
<i>Приложение II. Новая шига Виллерсфельде о государстве</i> . . .	539
О «демократии» и диктатуре	545

1919 год

Речь по поводу убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта 19 января 1919 г.	551
Из доклада на II Всероссийском съезде профессиональных со- юзов 20 января 1919 г.	551
Письмо к рабочим Европы и Америки	556
Указатель имен	565